

праведный Алексей Мечев

**Советы девушке христианке
праведный Алексей Мечёв**

От издателей

«Московский старец» – так называют отца Алексея Мечева. Посланный «в народ», к страждущим людям святым праведным Иоанном Кронштадтским, он был одним из тех, на ком держится Святая Русь. Оптинские старцы преподобные Анатолий и Нектарий всегда посылали москвичей к отцу Алексею. «Зачем вы ездите к нам? У вас есть отец Алексей», – сказал один из Оптинских старцев московскому паломнику, приехавшему в Оптину пустынь.

«Милующая любовь» – вот что привлекало к батюшке толпы богомольцев. Не только со всей Москвы, но и со всей России шли в маленький храм Святителя Николая в Кленниках на Маросейке, – и никто не уходил от батюшки без духовной помощи и утешения.

Настоятель оптинского скита игумен Феодосии, в один из приездов в Москву посетивший храм на Маросейке, увидел количество стремящихся попасть к батюшке на исповедь, истовость и долготу службы, толпу, ожидающую батюшку. Изумленный игумен Феодосии сказал отцу Алексею: «Да на все это дело, которое вы делаете один, у нас бы в Оптине несколько человек понадобилось бы. Одному это сверх сил. Господь вам помогает».

Эта книга – живое свидетельство о светоносном московском батюшке. Ее название – «Советы девушке христианке» – условно, это поучения, записанные одной из духовных чад отца Алексея. К сожалению, мы не знаем, кто сделал эти записи. Скорее всего, послушница Чудова монастыря Мария, одна из тех, кто после закрытия монастыря в 1919 году, оказалась в храме на Маросейке: «Когда мы лишились Чудова монастыря, и как овцы без пастыря рассыпались всюду, не зная, где приклонить голову, тогда многие отправились на Маросейку к отцу Алексею, и добрый батюшка с необыкновенной любовью и лаской принял под свое попечение нас, скорбных, печальных сирот...»

Эта книга будет интересна не только девушкам. Поучения отца Алексея, выразившее самую суть веры, направлены ко всем христианам, ищущим спасения.

Советы девушке христианке

Как достичь смирения? Чаще входи в себя: считай себя хуже всех.

В какой бы грех ни впал ты, кайся, и Господь готов принять тебя с распростертыми объятиями.

Будь во всем как дитя: и в вопросах веры, и в вопросах жизни.

Следи за собой. Хочешь жить духовной жизнью, – следи за собой. Каждый вечер просматривай, что сделала хорошего и что плохого, за хорошее благодари Бога, а в плохом кайся.

Когда тебя хвалят, а ты замечаешь за собой разные недостатки, то эти похвалы должны ножом резать по сердцу и возбуждать стремление к исправлению.

Относительно нечистых помыслов будь осторожнее.

Замечаешь поползновение ко греху, положи два поклона Владычице с молитвой: «Пресвятая Богородице, молитвами родителей моих спаси меня грешную». Дух родителей твоих сольется в молитве с духом твоим.

Евангелие надо читать внимательнее.

Так как молитва «Отче наш» есть сокращенное Евангелие, то и подходить к ней нужно с должным приготовлением.

Постясь телесно, постись и духовно, не дерзи никому, а особенно старшим, этот пост будет выше телесного.

Трудись над воспитанием своих младших братьев и сестер; влияй на них примером и помни, что если в тебе есть какие недостатки, они их легко могут перенять. А Господь потребует отчета в этом деле.

Делать добро есть наш долг (против тщеславия).

Непосильных подвигов брать на себя не должно, но если на что решился, то должен исполнять во что бы то ни стало. В противном случае раз не исполнишь, другой, третий, а там будешь думать, зачем ты и делал-то это, так как это совершенно напрасно (стойкость в добром, без чего невозможно возрастание духовное).

Никогда не обращай с Евангелием так, как с гадательной книгой; а если явятся какие-нибудь важные вопросы, посоветуйся с более сведущими людьми. А то у меня тут была учительница, так и она записочки к иконам кладет.

К чтению Евангелия надо подходить с молитвенным настроением.

Построже, построже в духовном посте; то есть учись владеть собой, смирайся, будь кротка.

Когда видишь вокруг себя что-нибудь нехорошее, посмотри сейчас же

на себя, не ты ли этому причина. Когда нападают на тебя нехорошие мысли, особенно в храме, представь себе пред Кем ты предстоишь или открой свою душу и скажи: «Владычице, помоги мне».

Если, прикладываясь к образу, смущаешься какими-нибудь (маловерными и др.) помыслами, молись до тех пор, пока они не исчезнут.

Надо считать себя хуже всех. Хочешь раздражиться, отомстить или другое что сделать, скорее смирись. Мы должны спасать себя и других. Строже следить за собой, а к другим быть снисходительнее, изучать их, чтобы и относиться к ним так, как требует того их положение, характер, настроение; например, нервный человек и необразованный человек, а будем требовать от одного спокойствия, от другого – деликатности или еще чего-нибудь, так это будет безрассудно; и мы должны строго следить за собой.

Ежедневно, как матери, кайся в грехах твоих Божией Матери.

Какое мы имеем право презирать других?..

Надо ведь быть умереннее в еде, а то чревоугодие вредит пищеварению. Даже воды нужно употреблять умеренное количество.

Если появятся маловерные помыслы, особенно перед причащением, скажи сейчас же: «Верую, Господи, помоги моему неверию».

Относительно письменной исповеди. Недостаточно того – перечислил все грехи и конец, и ничего не получилось; а нужно, чтобы грех опротивел, чтобы все это перегорело внутри, в сердце, когда начнешь вспоминать... и вот тогда-то уж грех будет противен, и мы уже не вернемся к нему, а то тут же и опять за то же.

– А если забудешь?

– А если что больно, того не забудешь, где у меня болит, тут я и укажу.

Всегда надо говорить правду, а если принуждают сказать ложь, то надо поговорить с человеком и повернуть дело так, чтобы спасти того, кто заблуждается, заставляя это делать; например, я никогда не лгал и лгать не буду, а если тебе так нужно, то я, пожалуй, сделаю это, только если возьмешь это на себя и т. п.

Не надо осуждать других; в чужом доме, если подадут скоромное в постный день не надо пренебрегать и отказываться. А дома можно восполнить этот пробел усилением телесного поста, а главное – духовного, то есть не раздражаться, не осуждать и прочее.

Во всем надо так поступать: вот что-нибудь нужно сделать – сейчас вспомни, как бы тут поступил Иисус Христос, пусть это будет для тебя руководством во всем. Так постепенно все нехорошее, греховное будет

отступать от тебя.

Ничего не благословляю говорить о других такого, что может о них распусть нехорошую молву; а назидательное, полезное – долг наш говорить.

Живешь больше умом, мыслью, плохо развито сердце, нужно развивать его: представляй себя на месте других.

Если бы так легко было спасаться, так давно мы все были бы святыми.

К окружающим нас мы должны относиться со всяким вниманием, а не небрежно, тогда и Господь, видя это, и нам окажет внимание.

В храме подальше становись от тех, которые любят разговаривать.

Твердости воли нет у тебя, а теперь-то и нужно развивать твердость воли. (Была сильная голодовка.)

Воскресший Господь требует нашего воскресения.

Не смей, не смей гордиться, гордиться нечем, сотую долю видишь за собой, а девяносто девять не видишь.

Нехорошие мысли нападали... мало молилась, наверное. Гнать их надо. Как только начнутся мысли нехорошие, если одна, начинай молиться, а если не одна, бери какую-нибудь книгу серьезную или начинай какое-нибудь дело.

Легкомыслие пора отбросить, надо относиться ко всему серьезно.

Поставь строгий порядок у себя во всем: такое-то время – заниматься, в такое-то – читать и т. д. Если пойти нужно куда, отчего не пойти, почитать – отчего не почитать, а так чтобы во всем был порядок.

Батюшка находил в этом что-то нужное, необходимое. Живя в семье, хотя мне никто ни в чем не препятствовал, я не умела уложить себя в какие-то рамки, не умела установить этого порядка. Встречные препятствия заставляли отступать, а главное, не видела я сама в этом установлении порядка чего-то необходимого, в то же время хотелось, чтобы батюшка сам дал мне какое-либо дело, чтобы мне нести какой-либо (внешний) «подвиг», и просила об этом батюшку. Сначала он ничего не ответил, а когда спрашивал, установила ли я у себя в жизни порядок, отвечала, что никак не получается. Он молча выслушивал, не упрекал никогда, а на просьбу дать мне «подвиг» ласково заметил: «Да вот я тебе говорю – установи порядок, а ты мне все говоришь, что я не могу». Только тут открылись у меня глаза, и я увидела в своем легком отношении к этому слову батюшки непослушание, несерьезность; не придавала я особого значения простому и, казалось, вскользь сказанному, «странному» требованию порядка. Он же, оказывается, смотрел на это как на своего рода подвиг для моего характера. И после опять батюшка напоминал об

этом очень серьезно. «Порядок установи непременно... А то я вон раньше тоже принимал всех всегда, а теперь меня заставили сократить прием, так я сам вижу, как я много сделал».

– Надо маму успокаивать, не доводить до нее ничего. Почтительность к ней есть первая обязанность. И каждый вечер непременно проверяй себя. Ну, уж если провалишься, то положи три поклончика Божией Матери, проси у Нее прощения.

Мысли нехорошие гони чтением, труд физический тут нужен. Представляй себя на Голгофе, вот крест пред тобой (батюшка протянул руки в стороны)... кровь течет... Говори мыслями: духовный отец, мол, мне не велел вас слушать.

– Очень много вижу в себе гадкого.

– А вот жизнь нам для того и дана, чтобы все это из себя выгнать.

– Кажется, что милосердие Божие скоро кончится...

– Милосердие Божие неизреченно.

– Батюшка, я хотела сегодня не причащаться.

– Почему, ты ведь исповедывалась?

– Так, я очень нехорошая...

– Ну, это не твое дело...

– Батюшка, мне хочется быть кроткой и смиренной.

– А кто же тебе не велит?..

– Батюшка, можно мне сегодня не причащаться?

– Почему?

– Так, сердце очень нечисто.

– А когда оно у тебя будет чисто-то?

– Нехороший сон видела...

– Это бывает от неумеренности в пище, от пустых разговоров; а так как это у тебя всегда бывает, то ты всегда себе и жди этого... Как проснешься, сейчас же вставай, не накрывайся одеялом. То, за что взялся, нужно делать во что бы то ни стало.

– Как держаться золотой середины, чтобы не быть угрюмой и излишне веселой?

– Когда видишь, что около тебя человек унывает, придешь, например, к ... видишь, что она нос повесила (батюшка пальчиком слегка ударил мне по носу), тогда надо взять себя в руки, быть веселой, ободрить другого, а если идет все гладко, то надо говорить о серьезном, а не болтать; вообще заботиться о пользе других и делать все на пользу другим; и не только дела так располагать, но и слова; если, например, видишь что все говорят, ну, давай, мол, я и скажу, а это что же?.. Прежде чем сказать, нужно

подумать, Христа можно вспомнить, как бы Он тут поступил, и потом, как совесть твоя говорит, так и делать и говорить; вот и будет золотая середина.

На пасхальной седмице не надо читать Псалтири, а вместо вечерних и утренних молитв полагаются часы. «Когда же оканчивать чтение Псалтири?» Батюшка с улыбкой неуверенно заметил: «Кажется, в среду заканчивается Псалтирь...» (Знаток устава; так велико было смирение батюшки.)

Все чтобы было по порядку, и для еды должно быть определенное время, а если ты поздно пришла и тебе хочется есть, то, конечно, можно, ешь сколько там тебе надо. А вообще, чтобы был порядок.

Человек, истинно любящий, забывает себя совершенно, забывает, что он существует, он думает только о том, как бы другого-то спасти. Надо стараться, чтобы не только действиями, но и даже словами не соблазнять другого.

Изволь, изволь бывать в церкви.

(На то, что нет времени для чтения.) «Ну это ты что-то там... а вот я тебе вменяю в обязанность читать...»

Причащаться можешь каждую неделю, только воздерживайся от главного греха.

Знаешь свой долг, и нужно его спокойно и твердо исполнять. «Иисусову молитву» читать нужно. Как о любимом предмете всегда человек думает, так и о Господе должен он думать и носить Его в своем сердце.

– Как приобрести любовь к Богу?

– Чаще надо вспоминать, что сделал для нас Господь и что Он делает. Все, и житейские дела, надо освящать Христом, а для этого «Молитва Иисусова». Как хорошо и радостно, когда солнышко светит, точно так же хорошо и радостно будет на душе, когда Господь будет в сердце нам все освящать.

Часто бывает хорошо и чувствуешь, что прямо идешь, потом вдруг исчезает такое настроение, и никак не попадешь на него.

– Ну хорошо, хорошо... значит, и заснешь под это хорошо.

Под понятием «заснешь» батюшка имел в виду всегда потерю трезвения и духовной бодрственности над собой.

Как-то за всюнощной буря всевозможных самых противоположных мыслей и чувств волновала все мое существо; подхожу к праздничной иконе (за канонам). Батюшка помазывает елеем, вглядывается и шепотом, неуверенно спрашивает: «Спишь, никак?».

Надо помнить, что если Господь всегда смотрит на меня, ведь Он все знает, так как же я поступлю против Него.

Иногда жаждешь всей душой соединения с Господом в таинстве святого Причащения, но останавливает мысль, что недавно причащалась...

– Это значит – Господь касается сердца, так что тут уже все эти рассуждения не уместны.

Думается, нужно установить порядок жизни: спать рекомендуется семь часов в сутки (я спала не больше пяти-шести часов), ну, если встанешь в семь часов – значит, отсчитай семь часов назад и ложись так уж; а то это влияет на здоровье. Позже я обратила внимание на то, что строгий, раз установленный порядок жизни держали все подвижники, с древнейших до новых, и все монастыри.

– Трудно прожить без греха, когда бывают такие лишения в жизни (была голодовка).

– Ну зачем, не греши...

– Унываю, батюшка.

– Унывать не надо, вспомни, как говорится: «уны во мне дух мой», а дальше «помянух дни древний, поучихся...». Так и ты вспомни все и утешься.

Что думаешь о себе много, горделива; а знаешь, кто много о себе думает, тот, значит, нехорошо живет... А ты себя любишь, так уж люби себя, как следует.

Пришла ко мне ревность научиться «Молитве Иисусовой», просила батюшку научить.

– «Молитва Иисусова» – серьезное дело, чаще надо думать о том, Кто для меня Иисус.

Если кто-нибудь будет говорить о других плохо, да еще в церкви, нужно просто ответить, что я, мол, сама грешная, что мне еще на других смотреть. В церковь ходим не для разговоров.

Ревность научиться «Молитве Иисусовой» сжигала меня.

– «Иисусова молитва» – серьезное дело. Надо постоянно иметь пред собой Господа, как бы ты находишься перед каким-нибудь важным лицом, и быть как бы в постоянной беседе с Ним. Тут уж у тебя будет состояние приподнятое.

В пище умереннее надо быть.

Чем нам с тобой гордиться?.. Грехами?..

К родителям, если есть у них какие недостатки, надо относиться снисходительнее.

– Батюшка, бывает, что утром проспичь, а встанешь, скорее бежишь к

обедне, и уже дома не молишься...

– Ну уж если так, в церкви помолишься, но порядок должен быть во всем.

Если кто в церкви будет разговаривать или спрашивать о чем, – скажи на меня и не отвечай.

Неприменно утром и вечером надо молиться.

Перед чтением Евангелия перекрестись и скажи: «Господи вразуми меня, дай мне понять, что тут есть»; и после этого бывает, что нечаянно находит как бы какое осенение и начинаешь понимать смысл того или другого; и вот тогда надо взять и записать эти мысли.

Установи порядок во всем... С мамой будь хорошая, с сестрами не ссорься, тетю не обижай. Ну вот пока и будет с тебя, а потом мы еще что-нибудь возьмем.

Порядок чтобы у тебя был во всем... У меня тут был один немец, а у немцев знаешь какой порядок во всем, так вот он и рассказывал: были у него там гости... а у него был такой порядок: как десять часов, так чтобы все были по местам. Вот подходит время спать ложиться, он и объявляет, что через десять минут огонь будет потушен. Но все подумали, что он шутит, никто не обратил на это внимания. Вдруг, смотрят – темно... А я его спрашиваю: «А как же гости-то?» – «А как хотят, – говорит, – если они такие беспорядочные». Вот хоть он и немец, а поучиться у него есть чему.

Мысли нехорошие гони, а какие появятся, тащи их за ушко, да на солнышко. (Батюшка потянул меня за ухо.) Строже будь к себе (разговор шел о воздержании в пище, батюшка был очень серьезен), все спишь, смотри не проспай. Молиться надо по-детски, с твердой верой. Ну подожди, вот я тебя за это на свободе – за уши.

Лишнее поела – значит нет у тебя никакой разумности, когда даже и лишняя чашка воды может нас возбуждать.

Отца духовного не слушаешься – значит нет у тебя преданности к Богу. Я тебя молю, ради Бога, следи за собой... ради Бога, будь внимательна... Царствие Небесное нудится, и только употребляющие усилия восхищают его, а ты палец о палец не ударишь.

– Батюшка, иногда бывает так тяжело, что хочется к кому-нибудь пойти и заплакать.

– Нет уж, у тебя есть одна помойка – отец Алексей, ты в нее и вали все, а другим не надо.

– Чем отличить пост от обычного времени, ведь теперь почти все одинаково: и пост и нет поста, совсем не чувствуешь поста? (была голодовка).

– Усилить духовный пост.
– Да этот пост всегда должен быть?
– Очень хорошую мысль ты провела, да где уж нам всегда-то, а тут тебя будет мучить, что, мол, я что-то не делаю и скорее будешь поступать как надо.

Страсти, если хочешь, истребляй сейчас же, а то поздно будет. У меня была тут одна дама, так у нее страсть – взять чужое; она мне со слезами говорила, что была в одном доме и вот ложку серебряную увидела и, когда все ушли, она ее взяла. Теперь мучит это ее, а с собой справиться не может, в привычку у нее это вошло.

– Батюшка, говорят «Иисусову молитву» нужно читать не только с любовью, но и со страхом, а я страха никакого не чувствую.

– Со страхом... а ты подумай, что тебе Господь дал и дает, а ты Его чем благодаришь?.. Светло смотри вдаль, не надо уныния. (Отпуская с исповеди.) А ты старайся, чтобы я тебя мог не только за уши вытягивать, да на прежнее место ставить, а и каждый раз немножко повыше.

Считай себя хуже всех – да и так ты хуже всех.

Спите вы все, а теперь время исповедническое. Может быть, и мне придется... Я-то готов, а вы-то, что тут будете делать?.. (Тревожное время.)

– Что же теперь делать-то, батюшка?

– Ну я думаю, Бог милостив – ничего, а для этого нужно молиться побольше, да самим получше быть.

Будь хорошей, вот с нынешнего дня. Сегодня Марии Египетской, ты хоть и не египетская, ну все равно. Так вот с сегодняшнего дня и начинай, а я за тебя буду молиться, чтобы Господь тебе дал память смертную. Будь хорошей опорой маме, руководительницей сестрам, вон сколько я тебе послушаний-то дал.

– Батюшка, читаю молитвы, но это все как-то без души.– Батюшка промолчал, а я повторила то же.

– Да читай внимательно, без какой там еще без души, по-толстовски, что ли?..

Раздражаться не стоит, не стоит... Желай счастья всем и сама счастлива будешь (против зависти).

(Против вопросов на исповеди по книгам.) У меня тут один рассказывал, что он прочел какой-то грех в книге и не понял, что это такое, и вот начал все делать, чтобы узнать как-нибудь что это такое; покупал книжки разные, читал. Наконец, понял и сделался поклонником этого греха. Так что я этих вопросов не одобряю; не знаешь и не надо.

Когда бываешь в чужом доме и подают на стол что-либо скоромное,

не следует отказываться и тем осуждать других. У меня отец был близок к митрополиту Филарету и вот было так; митрополит Филарет часто бывал у одного там... Раз пришел как-то, застал обед, а пост был, хозяин сконфузился, не знает как быть – пост, а у него курица что ли там... А митрополит подошел к столу и сам попробовал все... Вот как они поступали.

– Иногда по уставу не полагается класть земные поклоны, например, до Пятидесятницы и в другие праздники?

– А на это я вот что скажу: иногда чувствуешь, что и на икону-то, на Лик Господа смотреть недостойно, как тут не положить поклона; я вот, например, не могу не поклониться в землю когда поют: «Поклонимся Отцу и Сыну и Святому Духу...» (всенощная под воскрес). Не воздержаться – не грех, а поклон положить – грех?..

После моего сокращения на службе мне была дана рекомендация на другую службу.

На мой вопрос, нужно ли мне снова поступать на службу, батюшка, шутя, ответил: «Ну что же, сходи».

Чувствуя, что нет на это благословения батюшки, я медлила. Прошло так с месяц, не больше. Я почувствовала беспокойство, – решила добиться от батюшки категорического ответа – как же мне, наконец, поступить, брать службу или нет.

Долго не давал мне ответа батюшка, упирая на мое личное, желание, а я, со своей стороны, на его благословение. «Вот что, – наконец сказал он мне, – а помнишь, как ты рвалась со службы в церковь? Попадешь в большое учреждение и замотаешься совсем. Здесь ведь тебе было покойно служить. А теперь вот что тебе скажу: служи Господу».

Болела душой и за наше крикливое пение. Пришла к батюшке поведать ему свою скорбь.

– Манюшка, – сказал мне батюшка, – знаю твое состояние, как тебе хочется петь: по будням-то открою окошечко и слышу, как ты поешь: «Хвали душе моя Господа, благослови душе моя Господа; пою Богу моему дóндеже есмь».

Вздумалось нам с Зиной поподвижничать: без благословения батюшки решили мы на первой неделе Великого поста самовольно начать свой пост – перейти на хлеб и воду не более двух раз в день. В таком посте прошла у нас вся первая неделя. На следующей получила я духовное испытание от батюшки, которого долго не могла распознать. Случилось это так.

Во время литургии Преждеосвященных Даров должна я была петь «Да

исправится молитва моя», а я капризничаю, не хочу петь. Пожаловалась тогда на меня батюшке сестра. Сильно разгневался он на меня: выходя из церкви, при большом стечении народа, на лестнице, махая ручками и возмущаясь, пробирал он меня. Не сознавая своей вины, я сначала отнеслась к этому спокойно, а через некоторое время батюшкин гнев начал передаваться мне, да еще тут кто-то шепнул мне: «Попроси прощения. Поклонись батюшке». Слова эти вызвали взрыв негодования в моей душе. Не дождавшись конца выговора, стремглав помчалась я в свою комнатку с мыслью забрать свои вещи и уйти к своим. Несмотря на уговоры сестер не уходить без благословения батюшки, я всем существом сопротивлялась. Но когда приступила к сбору вещей, то почувствовала, что силы меня оставляют, и я беспомощно опустилась на постель. Батюшка на меня сердит, от дома отстала совсем. Что делать – не знаю.

Спустя несколько минут прибегают ко мне одна из сестер, зовет как можно скорее идти к батюшке, а я сопротивляюсь, не хочу, да и только. Сестра же начинает настойчиво требовать, чтобы я шла к старцу. И только после долгих уговоров, с чувством гордости и отчуждения, без желания поведать ему свою обиду, с тем, чтобы только его выслушать, решила я, наконец, пойти. «Давай ее сюда», – услышала я веселый голос батюшки, когда ему доложили, что я иду. Подхожу к нему; батюшка садится в кресло и, взяв меня за руку, спрашивает: «Ну, что скажешь».

В первую минуту я не знала что ответить, стояла молча. «Глупыш, глупыш, – поглаживая меня по голове, говорит батюшка, – я думал, что ты большая у меня, а ты все еще младенец. Вот смотри, – весь оживившись продолжает батюшка, – на лестнице-то кто кричал». Немного помолчав, добавляет: «Ведь Семенова, а не ты». – «Да, батюшка». – «А ты что делала?» Я молчу. «Наклонила головку, – добавляет батюшка, – и сказала: «Батюшка простите». – «Так вот слушай же. Я знаю, ты подтверже духом, я на тебя и закричал. Попробуй, закричи на Семенову. Закричишь, пожалуй она и убежит. А ты-то от меня не уйдешь. Так и на лестнице, – развел батюшка ручками, – попробуй, закричи на них, они все и разбегутся. А ты все на себя приняла, глупыш».

Выслушав батюшку, я попросила у него благословения пойти домой, в душе же не было полного примирения с ним.

– Никуда, Манюшка, не ходи, – сказал мне батюшка на прощание. – Ляг в постель, усни, успокойся. А потом, что у вас там, – просфоры что ль? Помоги.

Так я и сделала, пришла, легла, уснула, успокоилась. Проснувшись, пошла делать просфорки, а в душе все еще был какой-то осадок, все никак

не могла простить нанесенной мне обиды. Несколько дней не подходила я к бабушке, пока он сам не позвал меня: «А, Мария Тимофеевна, здравствуйте», – глубоко, вздохнув, пошутил, бабушка. С чувством гордости, все еще меня не оставлявшим, подошла я к нему под благословение и с неестественной улыбкой молча вышла.

Почувствовав в себе борьбу двух сторон души, я не знала, как приступить мне к исповеди. Строго принял меня бабушка на этот раз. И при первом же сознании в моем грехе начал снова меня пробирать. Теперь я ясно почувствовала, что гнев бабушки был всецело направлен на меня. Отойдя от бабушки, я стала к иконе святителя Николая и тут ясно и искренне почувствовала себя виноватой. В слезах, с сознанием своего ничтожества, полная преданности и любви к бабушке, подошла я вторично на исповедь. «Манюшка, ну дай Бог, чтобы ты хорошая у меня была», – обнимая мою голову и прижимая ее к груди, целуя, говорит бабушка.

Придя домой и взяв книжку о преподобном Серафиме, я поняла, что, блюдя пост телесный, плохо провела пост духовный. Горько и долго я плакала. Случай этот заставил меня с особенным вниманием обернуться к своей душе, и на меня стал нисходить все больше и больше мир душевный.

Торжественно встречали мы бабушку на беседе. Пропоем «Достойно», усадим его, расположимся вокруг и запоем стих: «Господи помилуй, Господи прости» или еще какой другой. Начнет, бывало, бабушка раздавать конфеты; берет и говорит: «Вот этого жука – Надюшке-сычевке, а вот этого таракана – Танюшке-Рухольному, бабочку – Зинке-Маронке, а клопа кому? Вере – дам». То же и с луком от селедки: кому месяц, кому пол-дугу. Когда я сживала рядом с бабушкой, поил он меня из своей чашки. Мне не хочется, а он все: пей да пей, подливает и подливает. Часто я садилась на полу, около его ножек. Вот как-то ласково замечает бабушка, смотря на меня, осторожно прикасаясь ручкой к моей голове: «Предо мной сидит нежное существо, воск, – что угодно, то из нее и сделай. Да я и сам-то боюсь до нее дотронуться: того гляди развалится».

Расположение ко мне многих сестер, с полной доверчивостью открывавших тайники своей души, заставило меня глубоко задуматься и обратиться к бабушке с просьбой: разъяснить мне, как принимать такое расположение: посылать сестер к нему или просто с любовью выслушивать.

– У, какая Манюшка-то старица стала, – посмеялся надо мной бабушка и, стуча пальчиком по столу, с серьезным видом добавил: – Так вот что, Манюшка, я тебе скажу: с этих пор я с тебя на исповеди строго

спрашивать не буду.

Прихожу к батюшке на исповедь с записью грехов. Прочитав все и разорвав, батюшка велел бросить запись в печку, которая топилась в его же комнатке, спуская головку с постели и указывая пальчиком: «Манюшка, смотри, какое яркое пламя-то, как твои грехи-то горят».

Прошу что-то у батюшки и называю его «дорогой, миленький батюшка», а он наклоняется и таинственно и протяжно говорит: «Постыленький».

Стоим мы несколько человек у батюшки в столовой у стола. Тихонько подкрадывается ко мне батюшка сзади, быстро надевает на меня соломенную шляпу со словами: «Смотрите, какая схимница-то». С меня надевает на Наташу, и все мы вместе с батюшкой смеемся без конца.

На вопрос, как мне молиться, батюшка ответил: «Встань с птичками, уйди в лес, там помолись. Природа близко стоит к Богу. Каждый шорох листочка, колебание каждой травки – все славит Бога. Преподобный Серафим всегда находился среди природы, там и молился».

Последнее время батюшка почему-то особенно радовался за меня, благодарил и говорил, что он теперь спокойно умрет. Приду к нему в сокрушении о грехах своих, а батюшка замашет ручками: «Ну какие там грехи-то у тебя, мы с тобой совсем безгрешные». Слово «безгрешные» вызывало еще большее чувство покаяния. Накидывая на меня эпитрахиль, батюшка еще раз повторил: «Безгрешные».

Содержание

праведный Алексей Мечев	Советы девушке христианке	1
праведный Алексей Мечёв		
От издателей		2
Советы девушке христианке		3